

С.В.Алпатов (Москва)

Европейские культурные модели и славянские народные традиции Нового времени

В сфере фольклорной компаративистики у каждого рода исследований (типологических, историко-генетических и сопоставительных) есть собственные «выигрышные» темы и аспекты. *Универсальные* закономерности развития фольклора особенно наглядно выявляются при изучении неродственных этносов, не имевших прямых культурных контактов. Выяснение *генезиса* фольклорных форм опирается на анализ архаических пластов близкородственных традиций с целью реконструкции общего «прототекста».

В свою очередь, многоуровневые взаимодействия славянских и европейских культур Нового времени предоставляют богатый материал для исследования межэтнических *контактов*, в частности, механизмов заимствования и ассимиляции европейских культурных моделей славянскими фольклорными традициями XVIII — XX веков.

В данной статье рассматривается *восточнославянский* фрагмент обозначенной темы, а конкретным материалом служит сюжет «Карты — календарь и молитвенник» (СУС 1613 = АТУ 1613 *Playing Cards are My Calendar and Prayer Book*).

Сюжет представлен в АТУ (следом за СУС) одним белорусским и пятью русскими вариантами, к которым следует добавить текст «Солдатская Библия» из сборника «Русский фольклор в Латвии. Сказки» (Сост. И.Д.Фридрих. Рига. 1980. С.314 – 315. № 119), а также два неопубликованных варианта из архива кафедры фольклора МГУ имени М.В.Ломоносова (1962 Архангельская обл., Каргопольский р-н, с. Милетьевское. Т.24, № 36. Коровин Константин Григорьевич, 1892 г.р.; 1997 Архангельская обл., Шенкурский р-н, д. Ямская Гора. Солдатский рукописный альбом 1904 —1905 гг. Семушина Федора Николаевича¹, текст № 7).

Процитируем каргопольский вариант 1962 г.:

«Дак вот. Во время первой империаристической (*sic!*) войны, — вы тогда еще не были, — служил я в тогдашнее время в армии, в Англии, — в союзных войсках. С товарищем один раз мы гуляли воскресное дело. Зашли с ним в костел. Ну, там известное дело — католики, сидят на скамейках и читают во время мольбы-то. У каждого Библия на коленях. А у нас-то нет. Вынул я карты и стал разбирать. Народ увидал — позвали полицейских, по-нашему — городских. Полисмен взял и повел нас. Приводит на гаупвахту и говорит: так, мол, и так. Тот стал спрашивать: «Почему во время божьей литургии осмелились в карты играть?» — офицер спрашивает: «Какое ты имеешь право?» Товарищ мой и говорит: «У моего отца денег не было, чтобы Библию купить, и купил карты. А прово (*sic!*) я имел вот какое:

туз означает — один Бог неба и земли,

двойка — что в Иисусе Христе два естества: божеское и человеческое;

тройка — Бог-отец, Бог-сын, Бог-Дух Святой;

четверка — четыре евангелиста: Матвей, Марк, Лука и Иоанн;

пятерка — пять мудрых и пять глупых дев;

шестерка — оставшееся семейство Ноя после потопа;

семерка означает, что Бог шесть дней творил, а седьмой отдыхал;

восьмерка — что при снятии Иисуса Христа со креста было 8 человек;

девятка — дары Святого Духа;

десятка — 10 заповедей Господа.

Карты имеют 4 масти: буби, черви, вини и крести — обозначают четыре стороны света — восток, юг, запад и север.

52 карты обозначают 52 недели в году. 365 очков обозначают 365 дней в году, исключая високосный.

Король — основатель первого государства; дама — первая царица, а валет есть тот глупый человек, который привел меня к вашему благородию».

Характерно, что детали, указывающие на западноевропейский источник сюжета, сохраняет и вариант 1962 г. («служил я в тогдашнее время в Англии, в союзных войсках»), и старейшая (не позднее 1795 г.) русская версия анекдота: «а король возбуждает во мне ревность, что я должен поклоняться Царю неба и земли и верно служить моему государю Георгу Третьему, королю аглицкому» (Новиков 1961. С.249);

Европейский генезис сюжета можно уверенно связывать с Англией и Германией времен Ганноверской унии 1714 — 1836 гг. (см. подробнее Volte 1901, S. 377 — 380; 1903, S. 84 — 85). Распространение сюжета из протестантской части Европы в католическую вызывает характерные сдвиги в истолковании карточных фигур и мастей, фиксируемые итальянскими, испанскими, португальскими (в меньшей степени, французскими) вариантами. Тем не менее, сохраняется принципиальное единство мотивировки поведения героя: он беден, ему не на что купить молитвенника, это единственная причина нарушения общепринятого (и понятного ему) порядка вещей.

Восточнославянские варианты, следуя в основном «исходной» англо-германской версии сюжета и незначительно варьируя отдельные толкования карточных фигур, одновременно кардинально меняют сюжетную перспективу: если европейский герой приходит в его собственную церковь, на службу с привычным ему чтением по молитвослову, то русский солдат приходит в костел или кирху, испытывая, какова чужая вера, и использует карты как подручную замену «библии», чтобы не нарушать устава «чужого монастыря».

Очевидно, что при перенесении западноевропейского сюжета на русскую (а следом и белорусскую) почву возникает специфическая жанровая аберрация: европейская новелла о «хитрых людях и ловких ответах» не отражает реальной этноконфессиональной точки зрения², тогда как русский анекдот о солдате, который не лезет за словом в карман³, дистанцию «своя — чужая вера» актуализирует и подчеркивает.

Проведенные наблюдения над особенностями адаптации на восточнославянской почве западноевропейского сюжета (и стоящих за ним культурных моделей) можно продолжить в нескольких взаимно соотнесенных направлениях. Прежде всего, необходимо изучить специфику инославянских вариантов сюжета (ATU 1613 указывает только чешскую параллель) с целью выявить «внутренние» факторы славянских традиций, способствующие и препятствующие трансплантации сюжета. Особо укажем на наличие независимых от данного сюжета реализаций герменевтических моделей вопросно-ответного типа, непосредственно связанных с числовыми рядами (см. подробнее Топоров 2004)⁴. С другой стороны, процесс заимствования и адаптации на славянской почве сюжета «Карты — календарь и молитвенник» следует поставить в ряд с типологически сходными фактами возникновения на основе западноевропейских образцов славянских текстов типа «Солдатский «Отче наш»⁵, «Евангелистая песнь», «Газета с того света».

Адрианова-Перетц 1936 — Адрианова-Перетц В.Н. Образцы общественно-политической пародии XVIII — начала XIX века // Труды Отдела древнерусской литературы. Т.3. М.-Л., 1936. С.335 — 366.

Левина 1981 — Левина Е.М. Прозаическая небылица (к вопросу о границах жанра) // Фольклор народов РСФСР. Уфа. 1981. С. 78 — 86.

Новиков 1961 — Русские сказки в записях и публикациях первой половины XIX века / Сост., вст. ст. и комм. Н.В.Новикова. М.-Л., 1961.

СУС — Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / Сост. Л.Г.Бараг, И.П.Березовский, К.П.Кабашников, Н.В.Новиков. Л., 1979.

Топоров 2004 — Топоров В.Н. О числовых моделях в архаических текстах / Топоров В.Н. Исследования по этимологии и семантике. Т.1. М., 2004. С. 226 — 272.

Чернобаев 1936 — Чернобаев В.Г. Политические пародии в старой польской литературе и на Западе // Труды Отдела древнерусской литературы. Т.3. М.-Л., 1936. С. 255 — 334.

ATU — Uther H.-J. The Types of International Folktales. Part 1 — 3. // Folklore Fellows Communications. Vol. 133 — 135 (№№284 — 286). Helsinki, 2004.

Bolte — Bolte J. Eine geistliche Auslegung des Kartenspiels // Zeitschrift des Vereins für Volkskunde. Berlin. XI, 1901. S.376 – 406; XIII, 1903. S.84 – 88.

¹ Альбом Ф.Н.Семушина подготовлен к публикации А.В.Кулагиной и В.А.Ковпиком.

² Замечательно, что даже герой *итальянского* варианта, *пруссский* солдат (= лютеранин), толкует карты в духе католического катехизиса (Bolte 1901, S.386 — 387).

³ Особую проблему представляет анализ повествовательного полиморфизма рассматриваемых восточнославянских вариантов: от классического «третьеличного» нарратива до «перволичного» мемората-небылицы (см. Левина 1981).

⁴ Двум жанровым парадигмам (духовный стих vs быличка о запроданном черту), реализующим в славянском фольклоре герменевтическую модель «Кто 1? ... Кто 2? ...», был посвящен доклад С.М.Толстой «Об одной числовой модели в фольклорных текстах» на Чтениях памяти В.Н.Топорова 19 декабря 2006 года.

⁵ См. в частности (Чернобаев 1936; Адрианова-Перетц 1936).